

Развод по-еврейски. Отказники, тюрьмы и zoom

«Развод», худ. М. Ринецкий, 1930

Картины хаоса во время американской эвакуации из Кабула вызвали много критики в мировых СМИ. И есть за что. Хотя знающие люди говорят, что эвакуация проводилась в десять раз лучше, чем велась война долгие 20 лет. Недавно еврейские СМИ облетела история последнего еврея Афганистана — 62-летнего Звулуна Симантова. Он четверть века отказывался покинуть Кабул, дабы не оставить без присмотра местную синагогу. Мы уже [писали](#) об истории вражды двух последних евреев Кабула, не уступавших друг другу контроль над историческим зданием.

Однако несколько недель назад Симантов сообщил о планах эмигрировать в США. «Я люблю все в Нью-Йорке, меня там все приводит в восторг», — заявил он New York Post, поделившись заветной мечтой выпить виски Johnnie Walker Blue Label (\$225 за бутылку). Получение Звулуном американской визы лоббирует лидер сенатского большинства, всемогущий Чак Шумер.

Что же изменило планы последнего еврея Афганистана? Дело в том, что когда афганскими беженцами никто особо не интересовался, выехать он мог только в Израиль, где с 1990-х годов живет его супруга. 20 лет отказывался Звулун дать жене развод, но, репатриировавшись, предстал бы перед раввинским судом, что не входило в его планы. Впрочем, согласно Галахе, развод может инициировать лишь мужчина, и некоторые годами изводят своих жен, лишая их возможности начать новую жизнь.

Звулун Симантов

«Когда-то габаи раввинских судов ловили таких отказников, приводили в суд, где укладывали на стол и били палкой по пяткам, пока не подпишет разводное письмо — гет, — рассказывал мне в начале 1990-х рав Кляйн — секретарь раввинского суда Беэр-Шевы. — А теперь у раввинского суда нет такой возможности, и мужья могут измываться над женщинами». Действительно, Османская империя часто отдавала отправление правосудия на откуп общинным институциям. Чиновники Порты не очень тратились даже на уголовную полицию, полагая, что законы кровной мести и другие вековые обычаи обеспечат порядок на местах.

Маленький еврей с застенчивой улыбкой рав Кляйн одно время был знаменитостью в израильских СМИ. Его называли освободителем агунот (соломенных вдов, которые по разным галахическим причинам не могут повторно выйти замуж). Пресса любила его истории о поисках исчезнувших мужей в джунглях Латинской Америки, в сибирских и американских тюрьмах, и рассказы о том, как он убеждал их дать развод томящимся в Израиле женам.

«Развод», худ. Юдель Пэн

Неожиданно рав внезапно исчез. До Ме Тоо было еще далеко, но выяснилось, что он сексуально домогался и насиловал несчастных женщин. Конец карьере «освободителя агунот» положило дело горской еврейки, чей муж — криминальный авторитет — отсиживал долгий срок в российской тюрьме. Рав Кляйн не понял, с кем связался, навлек на себя гнев влиятельного клана, и вынужден был срочно скрыться, предположительно, в Бразилии.

В 1990-х годах израильские законодатели расширили полномочия раввинских судов. По пяткам сегодня никого не бьют, но раввинские судьи — даяны — получили возможность закрывать выезд из Израиля и сажать отказников в тюрьму, пока те не дадут развод. Кое-кто предпочел кутузку. В 2019-м после 17 лет заключения вышел на свободу самый известный израильский отказник Меир Городецкий. Сообщалось, что супруга попросила суд освободить бывшего мужа, получив развод в частном раввинате.

Моти Кахана

Моше Маргареттен. Фото: Chabad.org

Упрямец Симантов, в конце концов, тоже дал жене гет. Причем, сделал это весьма современно, по zoom со стамбульским раввином Менди Шитриком и бизнесменом Моти Кахана, помогавшим Звулуну выбраться из Афганистана (при содействии известного американского ультраортодоксального деятеля Моше Маргареттена).

«Я уверен, что по этому поводу будут споры, мы же евреи. Но мы живем в XXI веке, и zoom существует», — сообщил Моти Кахана в Твиттере, отметив, что сделал на Йом Кипур доброе дело, организовав развод в zoom.

Гет по zoom — далеко не единственный повод для иудейских споров. Сегодня в еврейских СМИ опять активно обсуждается вопрос о еврейском происхождении пуштунов — крупнейшего народа Афганистана. Для меня эта тема не новость. В 1980-х я имел отношение к проекту выкупа советских военнопленных с последующей переправкой их на Запад. В операции участвовали «Врачи без границ», американская журналистка Людмила Торн и несколько видных диссидентов, в частности, Эдуард Кузнецов, впоследствии главный редактор крупнейшей израильской русскоязычной газеты «Вести».

Тогда я впервые познакомился с группой людей, занятых поиском пропавших колен Израиля под руководством депутата Кнессета, раввина Элиэзера Вальдмана. От них и услышал о странных для мусульман еврейских обычаях пуштунов. Интерес к Афганистану в Израиле тогда был огромен, вся страна слушала афганские репортажи военного журналиста Рона бен Ишая, побывавшего в стане партизан-моджахедов.

Пуштунские дети

Мне тоже однажды в Европе удалось пообщаться с одним моджахедом. Узнав, что я израильтянин, он сообщил, что Израиль — это хорошо, а Арафат — плохо. Логика была проста — всех, кто против русских, собеседник считал друзьями. Гитлер был для него тоже хорошим, поскольку воевал с СССР. Времена были не политкорректные, и я не стал переубеждать моего предполагаемого соплеменника.

Я не этнограф, чтобы рассуждать о еврейских корнях пуштунов, но поиски потерянных колен давно стали религиозно-политическими проектами, не имеющими отношения к академической науке. Их хорошо описала Дина Рубина в романе-комиксе «Синдикат». Мы с Рубиной были авторами журнала *Nota Bene*, когда впервые появились главы из романа. *Nota Bene* выходил под редакцией Эдуарда Кузнецова и Рафаила Нудельмана и был, на мой взгляд, лучшим толстым журналом в Израиле. С тех пор Дина Ильинична прислала мне письмо, где возмущалась некоторыми моими статьями. Но я ценю ее острый художественный взгляд. В другом своем романе «Вот идет мессия», где действие разворачивается в ранние 1990-е, когда мы еще не были лично знакомы, она сделала меня прототипом одного из второстепенных персонажей.

Что же до «еврейских обычаев» пуштунов, то жизнь этих людей веками регулировалась строгим кодексом Пуштунвали, восходящим к доисламской эпохе. Как сказал мне видный российский специалист по Афганистану, для многих афганских женщин, живших в соответствии с Пуштунвали и другими адатами, талибы с их шариатом — это настоящее освобождение.

Михаэль Дорфман, специально для «Хадашот»